

- ³⁶ *Idem.* Ritual and Ritualization... P. 51.
- ³⁷ См.: Main M. Avoidance of the Mother in Young Children: Implication for Daycare // Social Development in Childhood: Daycare Programms and Research. Baltimore, 1977.
- ³⁸ Эбл-Эбесфельдт И. Указ. раб. С. 119—120.
- ³⁹ Eibl-Eibesfeldt I. Ritual and Ritualization... P. 51.
- ⁴⁰ Altman I. The Environment and Social Behaviour: Privacy, Personal Space, Territory and Crowding. Montrey, 1975; *idem.* Privacy: a Conceptual Analysis // Environment and Behaviour. 1976. V. 8. P. 7—29.
- ⁴¹ Altman I. Privacy as an Interpersonal Boundary Process // Human Ethology... P. 121.
- ⁴² Ibid. P. 97.
- ⁴³ Ibidem.
- ⁴⁴ Ibid. P. 101.
- ⁴⁵ Ibid. P. 101—102.
- ⁴⁶ Ibid. P. 103.
- ⁴⁷ Ibid. P. 104.
- ⁴⁸ Ibidem.
- ⁴⁹ Ibid. P. 107.
- ⁵⁰ Ibid. P. 108.
- ⁵¹ Kennel J. H., Trause M. A., Klaus M. Evidence for a Sensitive Period in the Human Mother // Parent-Infant Interaction. Amsterdam, 1975.
- ⁵² Dunn J. Understanding Human Development: Limitations and Possibilities in an Ethological Approach // Human Ethology... P. 634.
- ⁵³ Ibid. P. 639—640.
- ⁵⁴ См.: Dunn J. The Continuity of Individual Differences from the First Year of Life // The First Year of Life: Significance for Later Development. L., 1973; Hope R. A., Milton A. G., Simmel E. M. Early Experience and the Process of Socialization. N. Y., 1970; Hess E. H. Imprinting. Early Experience and the Development Psychology of Attachment. N. Y., 1973; Dunn J. Now Far Early Differences in Mother-Child Relations Affect Later Development // Growing Points of Ethology. 1976; Early Experience: Myth and Evidence. L., 1976; Bateson P. P. G. Early Experience and Sexual Preferences // Biological Determinants of Sexual Behaviour. L., 1977; Early Experience and Early Behaviour: Implications for Social Development. N. Y., 1980; Anselmo S. Early Childhood Development. Toronto; London, 1987; Wolf P. H. The Development of Behaviour States and Expressions in Early Infancy. Chicago, 1987.
- ⁵⁵ Dunn J. Understanding Human Development... P. 633.
- ⁵⁶ Ibid. P. 630.
- ⁵⁷ Introduction // Human Ethology... P. XVIII.
- ⁵⁸ Ibid. P. 54.
- ⁵⁹ Ibid. P. 289.
- ⁶⁰ Lorenz K. Der Abbau des Menschlichen. München, 1983. S. 221—222.
- ⁶¹ Hinde R. A. Individuals, Relationships and Culture. Cambridge, 1987. P. 26.
- ⁶² Trevarthen C. Infancy, Mind in // The Oxford Companion to the Mind. Oxford, 1987. P. 362—368; Archer J. The Behavioural Biology of Aggression. Cambridge, 1988; Bogin B. Patterns of Human Growth. Cambridge, 1988; Taylor R. B. Human Territorial Functioning. Cambridge, 1988; Bowlby J. Attachment // The Oxford Companion to the Mind. Oxford, 1987. P. 57—58.
- ⁶³ Лоренц К. Человек находит друга. М., 1977. С. 152.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Food in Change. Eating Habits from the Middle Ages to the Present Day / Ed. by Fenton A., Kishán E. Glasgow, 1986. 166 p.

Изучение народной пищи является важным разделом этнографической науки. Пища, ее состав, способы приготовления и особенности потребления тесно связаны с этническим и социальным развитием того или иного народа. В последние десятилетия необходимость изучения пищи и влияния правильного питания на здоровье и продолжительность жизни стала более очевидной, чем прежде, а изучение традиционной пищи развернулось во многих странах.

Именно в этом аспекте осуществляет свою интернациональную деятельность Постоянная комиссия по этнологическому изучению народной пищи при Международном обществе этнологии и фольклора Европы (МОЭФЕ) ¹. Цель комиссии — координация международных исследований в области изучения пищи и обобщение их результатов в коллективных сборниках. Комиссия основана в 1970 г., в течение многих лет ее возглавлял крупный шведский ученый, этнограф и фольклорист, президент МОЭФЕ Н.-А. Брингеуз, в 1985 г. его сменил А. Саломонссон (Швеция).

Результаты периодических международных встреч нашли отражение в серии публикаций ². Доклады очередной V Международной конференции комиссии, состоявшейся в октябре 1983 г.

(Матрафьюред, ВНР) ³, составили недавно вышедший в Великобритании сборник «Пища в процессе изменения. Традиционные способы питания от средних веков до наших дней» под редакцией А. Фентона и Э. Кишбан. В сборник вошли статьи 23 авторов. В них рассматриваются фундаментальные изменения в структуре традиционной пищи у разных народов Европы (Австрии, Болгарии, ГДР, Греции, Ирландии, Польши, Румынии, Советского Союза, Чехословакии), а также в США, определившие такие важные факторы, как социально-экономические особенности развития этих стран, возникновение новых традиций и способов питания, постоянные миграции населения.

Особенностью данного издания является и то, что изменение обычаев приема пищи, формирование новых традиций ее приготовления показаны в тесной взаимосвязи с поступательным развитием сельского хозяйства, распространением новых культур, созданием более современных орудий производства.

Книга включает три раздела. Первый состоит из двух статей теоретического и обобщающего характера. В одной из них — «Традиционная пища в процессе изменения: на примере Европы» — Э. Кишбан, известный венгерский специалист в области изучения пищи, дает очень детальный анализ тех изменений, которые произошли в традиционной культуре питания народов Европы в рамках исследуемого периода (XIV—XX вв.). Автору удалось выделить четыре основных периода в общей картине изменений: 1300—1500, 1500—1650, 1650—1800, 1800—2000 гг. Последний период требует дальнейшего исследования. Основная проблема, по мнению автора, состоит в том, чтобы не только изучать процесс инноваций, которые еще не закончились, но и выработать четкие критерии для определения поворотных моментов в рамках исследуемого периода (с. 2). Автор рассматривает радикальные изменения в структуре питания как следствие процесса индустриализации и урбанизации, который отразился в изменении пищевого рациона.

Г. Тойтеберг (ФРГ) в статье «Периоды и поворотные пункты в истории народного питания в Европе: предварительный очерк к постановке проблемы и методов исследования» более обстоятельно анализирует основные периоды в историческом контексте. Говоря о возможности их выделения, он считает, что успешными могут быть поиски методов выявления «пищевых этапов» — основных стадий, способов и систем питания (с. 11). Как правило, поворотные пункты в истории пищи рассматривались многими исследователями прежде всего в связи со стихийными заболеваниями, аграрными реформами, расширением городских рынков, например, в период позднего средневековья. Для XVIII в. решающим моментом считались расширение сельскохозяйственных рынков и инновации в системах питания. Наконец, существенным фактом для конца XIX в. является так называемая «пищевая революция» (1850 и 1880 гг.). Чтобы обобщить те черты, которые были присущи тем или иным видам традиционного питания в странах Европы, автор попытался дать название девяти основным фазам в истории пищи начиная с древнейших времен: 1) период охотников и собирателей (25 млн. лет назад); 2) переход к оседлому земледелию и животноводству (с 800 г. до н. э.); 3) интенсификация сельского хозяйства в греко-римский период (800 г. до н. э. — 500 г. н. э.); 4) период массовых миграций и основания городов (500—1300 гг.); 5) воспроизводство пищи после массовых эпизоотий в период раннего средневековья (1300—1500 гг.); 6) переход от средневековых способов питания к более совершенным (1500—1680 гг.); 7) распространение новых видов продуктов и «изысканной» пищи (1680—1770 гг.); 8) усвоение инноваций в пище сельским населением (1770—1850 гг.); 9) нивелирование традиционных видов питания (с 1850 г.) различных социальных групп. Автор выделяет период после второй мировой войны и связанные с ней последствия — очевидный процесс эрозии традиционной крестьянской кухни — и определяет эту фазу как новую и последнюю в истории питания (с. 21). С предложенной периодизацией в целом можно согласиться, но в то же время надо отметить, что свои предположения автор строит на обширном и хорошо им изученном западно-европейском материале, в то время как данные по Восточной Европе не введены им в научный оборот: это хорошо видно по ссылкам на литературу, которую автор приводит в конце статьи.

Второй раздел книги — «Национальные и региональные примеры» — включает основную массу исследований, представленных по странам в алфавитном порядке. Объем рецензии не позволяет остановиться на каждой из 19 статей, поэтому хотелось бы отметить лишь наиболее существенные, поскольку не во всех статьях пища как элемент традиционной культуры рассматривается в широких рамках исследуемого периода, авторы иногда ограничиваются лишь несколькими десятилетиями.

Прежде всего необходимо выделить те исследования, которые ведутся в рамках международного проекта «Экономический атлас Европы и сопредельных стран (ЕА)». Один из членов Постоянного комитета ЕА, Э. Хорандер (Австрия), написавшая специальное исследование в рамках проекта «Хранение мяса, бекона и колбасных изделий в допромышленный период в Европе», обобщила его результаты в статье «Хранение и консервирование мяса в Европе: исторический очерк». Э. Хорандер отмечает важность этой проблемы и в наши дни, поскольку выработка наиболее эффективных методов хранения мясных продуктов в настоящее время очень актуальна (с. 53). Исследования показали, что хранение мясных продуктов путем засолки, высушивания, копчения доминировало почти во всех сельских хозяйствах стран Европы. Современные способы хранения (консервирование, замораживание и др.) стали популярными уже после второй мировой войны (с. 57).

В статье Р. Столичной (ЧССР) «Этнографическое изучение народной пищи в Словакии: некоторые результаты» подведен итог исследованиям, которые проводились с 1970 по 1980 г. и закончились выпуском «Этнографического атласа Словакии». В двухтомном издании включены иллюстрации и 500 карт, из которых 41 посвящена пище (первый том); второй том содержит комментарий к картам. Картографирование пищи наглядно показало тесную взаимосвязь географической среды и характера народного питания (с. 147), а также дало возможность добавить к тем историческим, экономическим и социологическим материалам, которые были выявлены раньше,

данные об особенностях системы народного питания и его отличительных чертах. Оно позволило определить район Западной Словакии как ареал сочетания многообразных систем питания. Таким образом, методом картографирования автору удалось выявить областные различия в пище словаков и сходные с ними формы пищи соседних народов.

Три статьи авторов из Великобритании связаны с исследованиями, которые ведутся в Шотландии. Известный этнограф А. Фентон в своей статье «Питание в прибрежных районах» привел несколько примеров, которые показывают разнообразие шотландской кухни этой зоны. Жители не ограничиваются тем, что предлагает море, а дополняют свой стол, охотясь на прибрежных птиц и искусно готовя блюда из морских трав (с. 125). Статья Х. Чипа «Керамика и способы приготовления, хранение и транспортировка пищи на Шотландских Гебридах» написана в основном на археологическом материале. В ней прослеживается типология керамики, которой пользовались еще в доисторическое время и сохранившейся в современном обиходе (с. 111). Б. Уокер уделяет внимание мясной торговле в Шотландии XVIII—XX вв., а также технике заготовки, инструментам и специальным хозяйственным постройкам (с. 127).

В статье румынского автора О. Вадувы «Народная пища в Румынии в конце XVIII — начале XIX в.: традиции и инновации» основное внимание акцентируется на тех новых элементах в сфере народного питания, которые были привнесены под влиянием зарубежной кухни, и особенно французской. Автор совершенно верно связывает появление новых рецептов приготовления еды с расширением этнокультурных контактов со странами Западной Европы. В Румынии многие молодые люди, получая образование за границей, по возвращении на родину распространяли информацию об особенностях зарубежной кухни и способствовали таким образом установлению моды на некоторые иностранные блюда (с. 99—102).

Основывая свои выводы на сравнительно узком национальном материале, многие авторы приходят к широким обобщениям, например, в статьях: «Интеграционные процессы в народной пище в пограничных районах Южной Моравии» (М. Людвикова, ЧССР), «Изменения в крестьянской пище в Западном Штеймарке после второй мировой войны» (М. Кундеграбер, Австрия); «Влияние буржуазных привычек на народную пищу и способы питания в Польше: направления и периоды изменения» (З. Шромба-Рысова, ПНР).

Попытка определить периоды и основные поворотные пункты в истории народной пищи на национальном материале предпринята в статьях М. Маркуша (ЧССР), Л. Радевой (НРБ), П. Лисат (Ирландия). Роль отдельных продуктов (хлеба, картофеля) исследуется несколькими авторами: Р. Вайнхольдом (ГДР), С. Имеллосом (Греция), А. Ковальской-Левицкой (ПНР).

Статья М. Г. Рабиновича (СССР) «Главные этапы развития пищи русских горожан в XVI—XIX вв.» дает обобщенную картину развития традиционной русской кухни в период феодализма, характерные черты которой стали определяться уже в XVI в. (с. 104). Состав продуктов для приготовления пищи у русских горожан определялся прежде всего ярко выраженным зерновым характером земледелия в стране. Автор выделяет повседневную, обрядовую и праздничную пищу, сообщает русские названия некоторых традиционных блюд и определяет основные регионы, в рамках которых бытовали те или иные специфические кушанья.

Необходимо также отметить, что в сборник включены некоторые результаты исследований по пище, которые ведутся в США. Участие американских коллег в международном исследовании вызвано прежде всего тем, что 85% населения США составляют выходцы из Европы, таким образом, взаимодействие культур этих крупных регионов земного шара, которые можно проследить на материалах по пище, представляются важными. К сожалению, авторы статей ограничились узкой тематикой, в которой пища и способы питания рассматриваются как символы культурной идентичности. Таковы статьи М. и Дж. Апте «Пища и социальное движение в американском обществе: в рамках двух последних десятилетий» (показан растущий интерес к вегетарианской пище); М. Арнотт «Налоги на хлеб в Филадельфии», У. Уивер «Белый соус в народной пище американцев» (имеется в виду не аборигенное население, а иммигранты).

Две статьи, которые составляют третий раздел книги «Соблюдение постов в период средневековья», не являются заключительными — они лишь дополняют общий материал сборника сведениями специфического характера.

Хотелось бы отметить, что каждая статья сборника содержит обширные и ценные библиографические сведения. Важны наблюдения многих авторов, что пища в процессе изменения сохраняет свои особенности и до наших дней. Изучение пищи, диеты, культуры застолья, этикетных норм поведения и много другого представляет не только теоретическую значимость, но и общественный интерес. Поэтому не так важно выявить недостатки отдельных статей рецензируемого издания, которые носят несколько описательный характер, сколько подчеркнуть общее значение таких международных форумов, на которых историки, этнографы и фольклористы могли бы обмениваться растущим опытом в области исследования пищи.

В целом положительно оценивая выход в свет рецензируемой книги, можно только пожелать увеличения объема исследований по пище также в нашей стране и, более того, обобщить результаты работы, ведущейся в союзных республиках в течение многих лет. Думается, книга, вышедшая в Великобритании, послужит достаточно убедительным примером для проведения комплексных исследований, тем более что опыт этнографического картографирования элементов материальной культуры у нас имеется.

Т. А. Воронина

¹ Институт этнографии АН СССР является коллективным членом МОЭФЕ с 1967 г. Директор института Ю. В. Бромлей — его вице-президент, зам. директора Л. М. Дробизева — член административного совета МОЭФЕ.

² См. например: *Ethnological Food Research in Europe and USA* / Ed. by Bringeus N.-A., Wiegelmann G. Gottingen, 1971; *Ethnologische Nahrungsforschung: Ethnological Food Research* / Ed. by Valonen N., Lehtonen J. U. E. Helsinki, 1975; *Food in Perspective* / Ed. by Fehton A., Owen T. Edinburgh, 1981.

³ См., *Salomonsson A. A Conference on Ethnological Research on Diet and Eating // Ethnologia Europaea. 1984. XIV. № 2. P. 181—183.*

НАРОДЫ СССР

Т. А. Бернштам. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. 277 с.

Т. А. Бернштам приступает к теме буквально с первых строк своей книги. Половозрастная тема до сей поры, по крайней мере для восточно-славянской и русской этнографии, является «чистым листом» и не занимает подобающего места в этнографической науке. Более того, существовало весьма устойчивое убеждение, что данная тема — анахронизм и должна возникать лишь постольку, поскольку приходится обращаться к ней в связи с архаическими функциями в ритуальной сфере жизни. Лишь в последние годы, особенно после выхода в свет серии книг «Этнография детства» под ред. И. С. Кона, существенно увеличилось знание научных исследований половозрастной проблематики. Возрастные категории начали обретать более глубокий и актуальный смысл, когда научное сообщество приступило к их междисциплинарному анализу. Данная тенденция получила мощную поддержку со стороны Т. А. Бернштам. В конце 1970-х годов она нашла свой угол зрения на возрастные процессы, вписав их в контекст обрядовой жизни русской общины и установив, что половозрастная классификация имеет значение не только в структурах повседневности любой социальной ячейки, но также и в архаическом сознании, ядре народного мировоззрения, с помощью которого регулировалась как бытовая, так и ритуальная сфера. Уже тогда Т. А. Бернштам выдвинула серьезную идею — предложила понимать половозрастную структуру более широко, как вполне определенное и важное биосоциальное звено в механизме воспроизводства, эволюции и передачи культурных ценностей, где народные знания и групповой опыт выступали предпосылкой, «залогом», по выражению автора, продолжения человеческого рода. Данный тезис, развитый до уровня концепции со всеми необходимыми аргументами и обоснованиями, составляет основу содержания рецензируемой книги. Для того чтобы оценить дистанцию, отделяющую работу Т. А. Бернштам от места нахождения наших «усредненных» представлений о значении половозрастной структуры, еще раз напомним, что в наиболее типическом случае исследователи все многообразие проблем данной области сводили к узким сферам, касаясь, например, положения детей, женщин или высветивая отдельные стороны бытия молодежи. Парадокс состоит в том, что народное мировоззрение угадывало за половозрастными процессами в человеческом обществе космические циклы, а сами категории «пол» и «возраст» полагало универсальными. «Культурное поле» этого мировоззрения оказывалось, таким образом, существенно больше размеров того «поля», куда данные категории относилось (до недавнего времени) научное мировоззрение. Отсюда и «уроки», преподанный нам книгой Т. А. Бернштам: контекстом половозрастной темы является весь групповой опыт того или иного этноса или его части.

Менее всего хотелось бы пересказывать книгу. Она многозначна, и, видимо, профессионал сумеет обнаружить в ней «свое». Размышляя над прочитанным, я ощутил прежде всего потребность сказать о следующем. Книга возвращает половозрастной структуре истинное место в жизнедеятельности крестьянской общины. Из признака «смазанного» половозрастная дифференциация стала признаком полноценным, к тому же сменившим свою привычную описательную роль на роль объяснительную. Причина такой метаморфозы в том, что автору удалось соединить в анализе два прежде разорванных начала — биологическое и социальное. Синтез этих начал обладает большим эвристическим потенциалом. С его помощью установлено определенное соответствие двух систем эмпирических признаков — половозрастных и социально-возрастных характеристик. На следующем этапе анализа «единицы» половозрастной структуры были наделены правами субъектов деятельности и поведения. Едва это было сделано, как сами деятельность и поведение, включая поведение обрядовое, оказались «навечно» вписанными в жизненный процесс. В итоге Т. А. Бернштам не только предположила, но и доказала, опираясь на различные источники, что половозрастная дифференциация обеспечивает мировоззренческую мотивированность или упорядочение людей. Я не стану рассказывать, каким образом данный тезис получает свое подтверждение, и отсылаю читателей ко 2-й и 3-й главам книги. Здесь, кажется, важнее всего результат, а не логика авторских рассуждений. Сквозь призму половозрастных представлений можно и должно увидеть в нужных подробностях не только реалии, но и механизм приспособления к природной и социальной среде, или половоз-